

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 98–112

Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 98–112

DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-98-112

Японские националисты и российские мусульмане в совместном паназиатском проекте: роль Абдурашида Ибрагимова

Усманова Л. Р.

Аннотация

В статье кратко представлена деятельность лидера российских мусульман Абдурашида Ибрагимова в качестве панисламского медиатора в Японии. Во многом благодаря его деятельности в начале XX в. в среде паназиатски настроенных кругов японских интеллектуалов укрепилась идея сотрудничества с мусульманскими народами. Делается вывод о том, что японская государственная мусульманская политика (*кайкё сэйсаку*), проводимая в 1930-40-х гг., была сформирована при активном сотрудничестве с мусульманскими интеллектуалами, в том числе А. Ибрагимовым.

Ключевые слова: паназиатизм, панисламизм, Россия, Япония, Абдурашид Ибрагимов

Автор: Усманова Лариса Рафаэлевна, канд. пед. наук, PhD, доцент Российского Государственного гуманитарного университета: 125047, Москва, Миусская пл., д. 6.

E-mail: ousmanoval@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Japanese Nationalists and Russian Muslims in the Joint Pan-Asian Project: The Role of Abdurashid Ibragimov

L. R. Usmanova

Abstract

The article briefly presents the activity of the Russian Muslim leader Abdurashid Ibragimov as a pan-Islamic mediator in Japan. Largely due to his activities at the beginning of the 20th century, the idea of cooperation with Muslim peoples was strengthened among the pan-Asian circles of Japanese intellectuals. It is concluded that the Japanese state Muslim policy (*kaikyō seisaku*), conducted in the 1930s and 1940s, was formed with active cooperation with Muslim intellectuals, including A. Ibragimov.

Keywords: pan-Asianism, pan-Islamism, Russia, Japan, Abdurashid Ibragimov.

Author: *Usmanova Larisa Rafaelevna*, Candidate of Pedagogy, PhD, Associate Professor, Russian State University for the Humanities: 6, Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russia.

E-mail: ousmanoval@gmail.com

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Идеи паназиятизма (азиатизма) стали идеологической основой для проведения экспансионистской внешней политики Японии в 1930–40-х гг. Российские исследователи уделили довольно много внимания истории формирования этой идеологии с начала периода Мэйдзи, а также истории ее влияния на политику страны. Нет разногласий в том, что паназиятские идеи возникли в конце XIX – начале XX в. в странах Восточной Азии, находившихся в той или иной степени под колониальным влиянием западных держав – в Японской империи, Британской Индии и Китайской Республике. Нет разногласий также и в том, что их суть заключалась в призыве к сотрудничеству

в целях возрождения азиатских народов [Черкизьянова 2022, с. 114–115]. Исследователи также подчеркивают, что итоги Русско-японской войны 1904–05 гг. стали одним из важных факторов укрепления паназиатских идей в Японии. С другой стороны, первая победа азиатского государства над европейским всколыхнула национальные надежды многих народов Азии, находящихся под колониальной властью европейских держав, на освобождение и построение своих национальных суверенных государств. Именно это вызвало симпатии и интерес многих национально-освободительных движений в Азии к Японии и ее опыту модернизации. Исследователи склоняются к тому, что паназиатизм был также идеологической основой развития региональной интеграции государств Азии в межвоенный период [Бригадина 2008].

Довольно подробно изучены и взгляды японских идеологов паназиатизма: в частности, Таруи Токити, считавшего необходимым объединить Японию и Корею для совместной борьбы против европейских держав, деятельность Ои Кэнтаро, пытавшегося продвигать реформы в Японии и Корее, Окакуро Какудзо [Третьяк 2016], а также деятельность отдельных политических групп и организаций, таких как «Гэнъёся», «Кокурюкай», «Ронинкай», буддийского движения *Нитирэн*, утверждавшего, что буддизм должен стать главной мировой религией, а Япония – центром буддийского миссионерства (именно представитель *Нитирэн* Танака Тигаку продвигал лозунг «*Хакко ити у*») («*Восемь углов под одной крышей*») [Малова 1996; Авдюхова 2021].

Однако остаются малоизвестными страницы взаимовлияния идей японского национализма и панисламизма в контексте японского паназиатского политического дискурса. Окава Сьюэй (1886–1957), идеолог и одна из основных фигур японского паназиатизма, который обосновывал миссию Японии как освобождение Азии от западного колониализма, даже посредством войны, если это необходимо, рассматривал ислам как основной инструмент для выполнения этой миссии¹. В 1930–40-е гг. паназиатская идеология стала основой для официальной внешнеполитической доктрины и государственной «исламской политики» (*кайкё сэйсаку*) Великой Японии, осуществляемой в Восточной Азии. Активное участие в ней приняли и представители российской тюрко-мусульманской эмиграции в Японии и на

¹ Интересен тот факт, что в конце жизни, находясь в тюрьме Сугамо, он переводил Коран на японский язык. Сегодня его перевод считается неточным и устаревшим.

Дальнем Востоке, что остается до сих пор малоизученным в истории российско-японских отношений.

Здесь необходимо отметить пионерскую работу, которая привлекла внимание широкого круга исследователей к этой теме, профессора университета Богазичи (Стамбул) С. Эсэнбел, выпустившей в 2003 г. в сотрудничестве с японским профессором И. Тихару первую коллективную монографию [Esenbel, Chiharu 2003]. Именно в этой работе впервые показана важная роль панисламизма в формировании взглядов японской идеологии паназиатизма, роль мусульманских идеологов и лидеров российских эмигрантов с тюрко-мусульманской идентичностью в установлении доброжелательных отношений с японской культурой, а также взаимодействие с представителями паназиатских и националистических кругов Японии.

В данной статье автор намерен кратко осветить деятельность Абдурашида Ибрагимова, как одного из первых медиаторов с панисламистскими и паназиатскими взглядами во взаимоотношениях с японскими партнерами, первого российского мусульманина в Японии. Во многом благодаря его деятельности в начале XX в. в среде паназиатски настроенных кругов японских интеллектуалов укрепились идея сотрудничества с мусульманскими народами².

Мусульмане как союзники в антиколониальной борьбе с западными империями

С начала 1890-х г., в контексте набирающих силу идей паназиатизма, особенно в среде антизападной части японской элиты, в Японии стало складываться представление об Османской империи как центре коммуникации с мусульманами России, Египта, Арабского Востока с целью противостояния державам Запада в целом и, в частности, Российской империи. Потенциал ислама высоко оценивался с точки зрения формирования прояпонской сети в регионах с мусульманским населением, особенно внутри России и вдоль её границ. Русско-японская война дала возможность воплотить эти идеи в реальность. Агентами по реализации этих целей выступали, с одной стороны,

² Автор опубликовал несколько работ по истории российской тюрко-мусульманской эмиграции на Дальнем Востоке, в которых освещены основные факты, но в данной статье приводятся и ранее не опубликованные материалы [Усманова 2005; Усманова 2010; Usmanova 2007].

японские офицеры, связанные с известной ультранационалистической организацией «*Кокурюкай*» («*Общество реки Амур*»)³, и, с другой стороны, политические мусульманские деятели с антиколониальными и панисламистскими взглядами, которые уже были идеологически и националистически настроены против панславянского и авторитарного российского царского режима. Необходимо отметить, что среди китайских мусульман, являвшихся национально-религиозным меньшинством, японские паназиатские пропагандисты распространяли идеи сочувствия и поддержки со стороны Японии. Индийские мусульмане, находившиеся под британским колониальным режимом, также были естественным союзником японцев. Таким образом, в тот период у японских националистов и представителей мусульманского мира появилась почва для идеологического сближения на основе общей азиатской идентичности с антиколониальными ценностями.

Полковнику Акаси Мотодзиро⁴, военному атташе Японии в Санкт-Петербурге и резиденту японской разведки в Европе, удалось выстроить личные отношения со многими представителями оппозиционных сил накануне Русско-японской войны. Поддержка антиправительственной деятельности российских мусульман была частью общего плана поддержки революционно настроенных политических групп, включая польских и финских националистов, русских революционеров и кадетов. Акаси вспоминал в своих мемуарах, что российские мусульмане не слишком интересовали японцев в тот момент из-за отсутствия сильной организации [Akashi 1988, p. 28]. Однако он помог мусульманским политическим лидерам России в их деятельности по организации первого Всероссийского мусульманского съезда 1905 г., что в свою очередь способствовало развитию национализма среди российских тюрков. Ярким примером этого сотрудничества является жизнь и деятельность Абдурашида

³ Общество реки Амур – ультранационалистическое военизированное общество, основанное в 1901 г. японским националистом Утида Рёхэй, состоявшим в шовинистическо-криминальной группировке «Гэнъёся». Общество названо в честь реки Амур, которая по-китайски называется «Река чёрного дракона» (黑龍江 *Хэйлунцзян*; по-японски *кокурю: ко*). Название объясняло политические задачи, которые общество ставило перед собой: изгнать русских с территорий Восточной Азии, находившихся южнее Амура.

⁴ Акаси Мотодзиро (1864–1919), с 1901 г. резидент японской разведки во Франции. После русской революции 1905 г. вернулся в Японию. В 1910 г. был направлен в Корею, а в 1918 г. возглавил колониальную администрацию на Тайване.

Ибрагимов (1854–1944)⁵, панисламиста, организатора мусульманских съездов в России, который состоял в тесных личных контактах с Акаси⁶. Его панисламистские взгляды на союз азиатских народов вполне совпадали с паназиатской идеологией японцев. Ибрагимов был широко известен в мусульманских странах своими антиимпериалистическими и панисламистскими взглядами, поэтому он стал одной из важных фигур японской паназиатской политики в мусульманском мире.

Панисламизм и японский паназиатизм: пути сближения

В период завершения либерализации, которая последовала после Революции 1905 г. в России, организатор движения российских мусульман Абдурашид Ибрагимов, который стоял у истоков создания Мусульманской фракции в Государственной Думе, эмигрировал из страны в 1907 г. Одной из его целей было избежать ареста, но основной – найти союзников в своей антиколониальной деятельности по освобождению как российских, так и всех мусульман. Поэтому он совершил евразийское путешествие по основным центрам проживания мусульман, начиная с Китая, через голландские и британские колонии в Японию, а оттуда в Османскую империю, с целью изучения их положения.

В Японию он прибыл в 1908 г. при содействии и финансовой поддержке Акаси и общества «*Кокурюкай*». Во время своего многомесячного пребывания в стране в 1909 г. он стал одним из основателей нового общества под названием «*Адзия гикай*» («*Общество пробуждения Азии*»), тесно связанного с организацией «*Тоа добункай*», которое основал принц Коноэ для изучения культур и языков Восточной Азии. Общество «*Адзия гикай*» стало инструментом пропаганды японских паназиатских идей в мусульманском мире на долгие годы. Среди тех, кто подписал учредительный

⁵ Ибрагимов, Абдурашид Гумерович (1857, Тара – 1944, Токио) – татарский мусульманский имам, кади (шариатский судья), проповедник и публицист. Сторонник идей панисламизма.

⁶ Сын А. Ибрагимов, Мурад, стал в 1910 г. первым российским мусульманским студентом в университете Васэда, получая стипендию общества «*Кокурюкай*» при содействии Акаси.

документ организации, кроме Абдурашида Ибрагимова, были лейтенант Охара Букэдзи (1865–1933), впоследствии работавший среди китайских мусульман; духовный глава «Кокурюкай» Тояма Мицуру (1855–1944), активисты «Кокурюкай» Накано Цунэтаро и Накаяма Ядзуро, член парламента и будущий премьер-министр Японии в 1932 г. Инукаи Цуёси (1855–1932), капитан Аоянаги Кацутоси, а также Ямада Киносукэ и Коно Хиронака. От имени китайских мусульман документ подписал Ванг Хаочжан, который в 1912 г. основал Китайскую мусульманскую общепрогрессивную ассоциацию. Среди тех, кто стал неофициальным членом «промульманского» паназиатского кружка в Японии, были также журналист Токутоми Сохо (1863–1957), основатель «Кокурюкай» Утида Рёхэй (1874–1937), бывший премьер-министр и основатель университета Васэда Окума Сигэнобу (1838–1922). Многие из основателей и сочувствующих обществу «*Адзиа гикай*» стали активными проводниками японской экспансивной паназиатской политики в 1930-х гг.

Во время своего пребывания в Японии Ибрагимов встретился с представителями японской элиты и познакомился с повседневной жизнью страны. Свои встречи и размышления о Японии, сравнение японского и российского мусульманского обществ составили дневниковые записи, которые позже воплотились в книге «*Alem-i-İslam ve Japonya'da İntişar-ı İslamiyet*» («*Исламский мир и распространение ислама в Японии*»), впервые вышедшей на османско-турецком языке в Стамбуле в 1910 г. [Burahimu 1991]. Эта книга стала первой в исламском мире работой о японском обществе и опыте его модернизации, создавшей позитивный имидж Японии во всем мусульманском мире как восходящей звезды Востока и возможной защитнице ислама [Усманова 2010].

Книга Ибрагимова стала первой попыткой сформировать в мусульманском мире благоприятное восприятие японского паназиатского геополитического проекта. Переводчики Хисао и Каори Комацу в послесловии к своему японскому переводу книги А. Ибрагимова так оценивают ее значение: «Определенно, Ибрагимов не был первым мусульманином, прибывшим в открывшуюся миру Японию, и эта книга не является первой изданной книгой о Японии в исламском мире. В Османской империи первые книги, которые рассказывали о существовании страны под названием “Япония”, стали появляться с конца XIX в. Однако они все были переводами с европейских

оригиналов. Первой книгой, написанной турком, является “Русско-японская война” (1905–1906) Пертев-паши, служившего в Османской армии и отправленного на Дальний Восток в качестве военного наблюдателя на фронтах Русско-японской войны. Его книга в целом – военные мемуары, а места внутри книги, посвященные Японии, содержат выдержки из западной литературы. В отличие от автора этой книги, Ибрагимов, который провел в Японии несколько месяцев, прожил их вместе с японцами. В этом смысле его книгу, написанную на основе реального опыта, можно назвать первым подробным описанием Японии. К тому же автор, рассуждая о японцах и японском обществе, часто добавляет горькие сравнения с мусульманским обществом того времени. Это также можно назвать отличительной особенностью этой книги» [Ibrahimu 1991, p. 407].

Как отмечают переводчики, размышления Ибрагимова о Японии и японцах внесли огромный вклад в формирование долговременного позитивного имиджа Японии в современной Турции и мусульманском мире в целом и подчеркивают значение книги А. Ибрагимова и для японского общества: «Представления Ибрагимова о Японии вскоре стали влиять как минимум на формирование образа Японии в турецком обществе. Мусульманские интеллектуалы не только осознали чувство близости к описанным Ибрагимовым японцам и Японии, но и, открыв внутри быстро развивающейся Японии модель развития, отличающуюся от европейской, настроились на ожидание изменений в международных отношениях, последовавших за подъемом Японии. С другой стороны, для нас, японцев, образ Японии периода Мэйдзи, увиденный глазами путешественника из другой культуры под названием “исламский мир”, также действительно представляет большой интерес. [...] В своей книге Ибрагимов проявился как совершенно другой, не западный, не христианский, культурно отличающийся, общий с нами наблюдатель. Её действительно можно назвать “встречей Японии периода Мэйдзи с исламом”. [...] Ибрагимов во время своего лишь пятимесячного пребывания в Японии познакомился с огромным количеством людей. В этот период его речи, сравнивающие восход Японии с закатом Запада, вполне совпадают с националистическими идеалами периода Мэйдзи. Идеи Ибрагимова, связанные с политическим значением ислама в мире, особенно в Азии, вдохновили японских сторонников экспансионизма, которые преследовали цель создания объединения [народов]

в Восточной Азии. Размышления Ибрагимова, без сомнения, внесли вклад в формирование японской “исламской политики”, практическая реализация которой проводилась в Маньчжурии и Юго-Восточной Азии в 1930-е гг. Впоследствии, в 1933 г., Ибрагимов был приглашен японской стороной снова приехать в страну. С точки зрения современной истории Японии его разносторонняя деятельность еще будет оценена» [Ibrahimi 1991, p. 406–410].

Ибрагимов сразу же стал участвовать в пропагандистской деятельности Японии по распространению паназиатских идей. Он перевел памфлет *«Азия в опасности»* Хасана Хатано Ухо (1882–1936), одного из первых японцев, принявших мусульманское имя. Хатано считал, что Япония и Османская империя вместе смогут предотвратить имперскую активность Запада в Азии. Вместе с египетским офицером Ахмадом Фадзли Бегом (1874–?), бежавшим в Японию из-за своей антибританской позиции, и индийским мусульманином Мувли Баракатуллой (1856–1927), преподававшим урду в Токийском университете, Ибрагимов печатался в англоязычной газете *«Islamic Fraternity»*, которая пропагандировала панисламистские и паназиатские идеи [Esenbel 2004, p. 1148].

В интервью *«Мечта татар о независимости»* (*«Татарудзин докурицу-но кибо»*), опубликованном в журнале *«Вестник международной политики»* (*«Гайко дзихо»*) от 21 марта 1909 г., Ибрагимов утверждает, что Япония является моделью модернизации, которую необходимо изучать. Он обосновал, по мнению С. Эсэнбеля, демографический аргумент для формирования будущей паназиатской «мусульманской политики» Японии: Ибрагимов указал на то, что 100 миллионов мусульман России, Китая, Индии, Турции являются естественной социальной базой для проведения подобной политики [Esenbel 2004, p. 1150]. Он высоко ценил конституционный строй и либеральные свободы в Японии, которые сделали ее современной и прогрессивной страной, противопоставляя ее российскому деспотическому режиму.

В своей книге Ибрагимов обозначил второй, экономический аргумент для принятия ислама Японией в качестве инструмента для реализации паназиатского геополитического проекта. Выйти на китайский рынок будет намного легче, если произойдет примирение японцев и китайцев, в частности, через влияние на китайских мусульман: «Китай – естественный рынок для Японии. Но, бесспорно, существует великая ненависть между японцами и китайцами. Единственный

путь для Японии успешно проникнуть на китайский рынок – это установить тесные связи с китайскими мусульманами.... Если японцы примут ислам, они завоюют треть Азии». Таким образом, Ибрагимов пытался совместить панисламистские идеи с паназиатскими целями японцев [Esenbel 2004, p. 1150].

Участие Абдурашида Ибрагимова в японском паназиатском проекте

Ибрагимов сыграл еще одну важную роль в отношениях Японии с мусульманскими странами этого периода, введя японских агентов секретных служб посредством принятия ислама в мусульманское общество Ближнего Востока через Османскую империю. Ибрагимов серьезно считал, что Японии следует принять ислам в качестве государственной религии по политическим мотивам. Кроме того, он видел общее в культурных и цивилизационных особенностях японского и мусульманского обществ. В своих дневниках он приводит примеры схожести религиозной и социально-бытовой жизни японца и мусульманина.

Одними из первых японских мусульман стали офицеры Японской армии Охара Такэёси и Ямаока Котаро⁷. В годы Русско-японской войны капитан Охара служил под командованием генерал-майора Фукусима Ясумаса, первым японцем, совершившим путешествие по Центральной Азии в 1892–1893 гг. и придерживавшимся паназиатских взглядов. В годы Русско-японской войны Фукусима организовывал разветвленную разведывательную сеть в Маньчжурии. После войны Охара официально уволился из армии, но сохранял тесные связи с активистами паназиатского движения в армии. В 1909 г., когда в Японию прибыл Абдурашид Ибрагимов, Охара принял ислам в его присутствии и взял имя Абу Бакир, имя первого калифа в истории ислама [Misawa 2011, p. 122–123]. Именно Охара познакомил Ибрагимова с офицером разведки Ямаока Котаро, коллегой по работе в Маньчжурии в период Русско-японской войны. Ямаока также под покровительством Ибрагимова во время хаджа в Мекку принял ислам и имя

⁷ Ямаока Котаро (1880–1959), в 1903 г. окончил факультет русского языка Токийской школы иностранных языков (ныне Токийский университет иностранных языков). Принял ислам под руководством А. Ибрагимова, впоследствии стал основателем Японской мусульманской ассоциации.

Умар, которое носил второй калиф в истории ислама. Именно таких японцев как Охара и Ямаока называют «мнимыми мусульманами», целью принятия ислама которыми были паназиатские и имперские идеи Великой Японии и которые были тесно связаны с японским правительством и военными.

Именно Охара предложил Ибрагимову в 1909 г. создать в Токио ассоциацию *«Адзия гикай»* с целью привлечения внимания мусульман к Японии, а также с целью создания союза азиатских народов во главе с Японией. Первым этапом реализации этого плана рассматривалось строительство и открытие мечети в Токио как символа сотрудничества Японии с исламом⁸. По предложению А. Ибрагимова, президент общества Охара послал вместе с Ямаока письма в управление шейх ул-ислама и султану Османской империи Абдулхамиду II с просьбой прислать своих представителей и финансово поддержать строительство Токийской мечети. После своего возвращения в Японию Ямаока развернул активную миссионерскую деятельность, основными целями которой выступали скорее паназиатские, чем панисламистские взгляды. Ямаока считал, что японские глобальные внешнеполитические цели не могут быть достигнуты без реализации стратегической политики в отношении мусульман, поэтому рассматривал Османскую империю как ворота в арабский мусульманский мир.

В 1930-е гг. паназиатский геополитический проект стал ведущей политической доктриной страны. Для реализации той части, что была связана с регионами, где преобладало мусульманское население, в частности – в Юго-восточной Азии, в Японию был приглашен А. Ибрагимов, когда-то стоявший у истоков этих планов. Прожив последнюю часть своей жизни в Японии, с 1933 по 1944 гг., выполняя обязанности имама соборной мечети г. Токио и духовного лидера японских мусульман, Ибрагимов сыграл важную роль как в признании в 1939 г. ислама в качестве равноправной религии наравне с христианством, буддизмом и синтоизмом в Японии, так и неоднозначную роль в реализации японской государственной «исламской политики» в Восточной Азии. В 1930–40-е гг. Ибрагимов сблизился с японскими

⁸ Первая мечеть в Японии была построена только в 1935 г. в г. Кобе по инициативе представителей тюрко-мусульманской эмиграции и при финансовой поддержке индийских мусульман, проживавших в Японии, а также с разрешения японских властей. В Токио мечеть появилась в 1938 г.

интеллектуалами, которые формировали идеологическую основу для принятия стратегических решений. Известно, что А. Ибрагимов преподавал арабский язык и чтение Корана Окава Сюмэй (1886–1957), чья позиция повлияла в конечном счете на формирование «исламской политики» Японии в начале 1930-х гг. Именно он первым обосновал необходимость изучения исламоведческих предметов в вузах. Среди тех, кто учились у А. Ибрагимова, а затем и в послевоенное время занимались исламоведением, были исследователь турецкой истории османского периода Найто Томохидэ (1886–1950), первый японский тюрколог и специалист по Средней Азии Окубо Кодзи (1888–1950)⁹, первый специалист по арабистике, учившийся в египетском университете Аль-Азхар, Кобаяси Хадзимэ (1904–1963), всемирно известный исламовед Идзуцу Тосихико (1914–1993).

В «мусульманскую политику» Японии как части паназиатского проекта в 1930-х гг. были вовлечены также башкирский эмигрант, лидер Токийской мусульманской общины «Исламия» Мухаммед Курбангалиев и тюрко-татарский эмигрант и писатель Гаяз Исхаки. В это время в различных городах Японии, Маньчжурии и Китая уже существовали мусульманские общины российских тюркоязычных эмигрантов, которые и стали медиаторами между японским государством и мусульманскими общинами в регионах.

12 мая 1938 г. в присутствии гостей от королевских семей Саудовской Аравии и Йемена была официально открыта Токийская соборная мечеть. В это же время была создана Мусульманская ассоциация Великой Японии при поддержке МИДа, армии и флота. А. Ибрагимов стал имамом мечети и духовным лидером Ассоциации. Однако начатый в 1909 г. совместный с панисламистами японский паназиатский проект, как показали последующие исторические события, просуществовал недолго.

Заключение

В начале XX в. стремления лидера российских мусульман Абдурашида Ибрагимова по реализации панисламского проекта антиколониального освобождения и объединения мусульман встретились

⁹ Окубо Кодзи (1887–1950), пионер тюркологических и исламоведческих исследований в японской академической науке, был тесно связан с тюрко-мусульманской общиной российских эмигрантов на Дальнем Востоке.

с паназиатскими планами японских националистов и привели к созданию японской организации «*Адзиа гикай*», целями которой были распространение японских паназиатских идей в мусульманских регионах Восточной Азии. Десятилетия спустя этот проект реализовался в виде государственной «мусульманской политики», ставшей частью масштабной экспансионистской внешнеполитической доктрины японского колонизаторского паназиатизма.

Наше представление о формировании этой идеологии будет неполным без понимания взаимодействия и взаимовлияния японских и мусульманских интеллектуалов. Для российско-японских отношений факт того, что одним из главных медиаторов в этом процессе был представитель российских мусульман, представляется не просто важным, но и актуальным, так как ставит научную проблему изучения исторических лакун и возможного переосмысления истории отношений.

Библиографический список

Авдюхова, О. С. (2021) Истоки концепции Великой восточноазиатской сферы сопроцветания. *Молодой ученый*. № 23 (365). С. 279–282. <https://moluch.ru/archive/365/82160/>

Бригадина К. А. (2008) Паназиатская политика в концепциях японских идеологов 30–40-х гг. XX в. *Уральское востоковедение: международный альманах*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. Вып. 3. С. 38–43.

Малова К. В. (1996) Концепции паназиатизма в Японии (30-е гг. XX в.). *Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета*. No 3. С. 109–120.

Третьяк А. Р. (2016) Идеинные истоки паназиатизма. *Евразийский журнал региональных и политических исследований*. No 1 (16). Вып. 16. С. 33–37.

Усманова Л. Р. (2005) Тюрко-татарская эмиграция в Северо-Восточной Азии н. XX в. *Эхо веков*. No 1. С. 92–100.

Усманова Л. Р. (2010) «Он выступал как просветитель, преследующий цели пробуждения мусульман Азии» (Р. Ибрагимов в Японии). *Эхо веков*. No 1/2. С. 177–189. <https://echovek.ru/ru/article/1-usmanova-vystupal-kak-prosvetitel-presleduyushchiy-celi-probuzhdeniya-musulman-azii-r>

Черкозьянова А. А. (2022) Влияние идей паназиятизма на формирование внешнеполитического курса Японии в межвоенный период. *CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза*. Том 13. Московский городской педагогический университет. С. 114–125.

References

Akashi, Motojirō. (1988). *Rakka ryusui: Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation With the Russian Revolutionary Parties During the Russo-Japanese War*. Helsinki: Studia Historica 31.

Avdyukhova, O. S. (2021). Istoki kontseptsii Velikoi vostochnoaziatskoi sfery soprotsvetaniya [The Origins of the Concept of the Great East Asian Co-Prosperity Sphere]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 23 (365), 279–282. Retrieved May 30, 2023, from <https://moluch.ru/archive/365/82160/> (In Russian).

Brigadina, K. A. (2008) Panaziatskaya politika v kontseptsiyakh yaponskikh ideologov 30–40-kh gg. XX v. [Pan-Asian Policy in the Concepts of Japanese Ideologists in the 1930s – 1940s]. In *Ural'skoye vostokovedenie: mezhdunarodnyi al'manakh* [Ural Oriental Studies: International Almanac] (Vol. 3, pp. 38–43). Yekaterinburg: Ural State University Publishing. (In Russian).

Cherkoz'yanova, A. A. (2022). Vliyanie idei panaziatizma na formirovanie vneshnepoliticheskogo kursa Yaponii v mezvhoennyi period [The Influence of the Ideas of Pan-Asiatism on the Formation of Japan's Foreign Policy Course in the Interwar Period]. In *CLIO-SCIENCE: Problemy istorii i mezhdistsiplinarnogo sinteza* [CLIO-SCIENCE: Problems of History and Interdisciplinary Synthesis] (Vol. 13, pp. 114–125). Moscow: Moscow City Pedagogical University. (In Russian).

Esenbel, S., Chiharu, I. (Ed.). (2003). *The Rising Sun and The Turkish Crescent: New Perspectives On the History of Japanese Turkish Relations*. Istanbul.

Esenbel, S. (2004). Japan's Global Claim to Asia and the World of Islam: Transnational Nationalism and World Power, 1900–1945. *The American Historical Review*. 109 (4), 1140–1170.

Ibrahimu, Abudeyurureshito. (1991). Japon'ya: isuramukei roshiajin no mita Meiji Nihon [Japoniya: Meiji Japan Seen by a Muslim Russian]. Tokyo. (In Japanese).

Malova, K. V. (1996). Kontseptsii panaziatizma v Yaponii (30-e gg. XX v.) [Concepts of Pan-Asiatism in Japan (1930s)]. *Izvestiya Vostochnogo instituta Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Oriental Institute of the Far Eastern State University], 3, 109–120. (In Russian).

Misawa, Nobuo. (2011). Shintoism and Islam in Interwar Japan: How Did the Japanese Come to Believe in Islam? *Orient*, XLVI, 119–139.

Tret'yak, A. R. (2016). Ideinye istoki panaziatizma [Ideological Origins of Pan-Asiatism]. *Evrasiiskii zhurnal regional'nykh i politicheskikh issledovaniy* [Eurasian Journal of Regional and Political Studies], 1 (16), 33–37. (In Russian).

Usmanova, L. R. (2005). Tyurko-tatarskaya emigratsiya v Severo-Vostochnoi Azii [Turkic-Tatar Emigration in Northeast Asia]. In *Ekho vekov* [The Echo of Centuries] (No. 1, pp. 92–100). (In Russian).

Usmanova, L. R. (2007). *The Turk-Tatar Diaspora in Northeast Asia. Transformation of Consciousness: Historical and Sociological Account Between 1898 and the 1950s*. Tokyo: Rakudasha.

Usmanova, L. R. (2010). «On vystupal kak prosvetitel', presleduyushchiy tseli probuzhdeniya musul'man Azii» (R. Ibragimov v Yaponii) [“He Acted as an Educator Pursuing the Goals of Awakening Muslims in Asia” (R. Ibragimov in Japan)] In *Ekho vekov* [The Echo of Centuries] (No. 1/2, pp. 177–189). Kazan. Retrieved May 30, 2023, from <https://echovek.ru/ru/article/l-usmanova-vystupal-kak-prosvetitel-presleduyushchiy-celi-probuzhdeniya-musulman-azii-r> (In Russian).